

РАЗДЕЛ II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ТРАДИЦИИ, ТИПЫ, КОНКРЕТНЫЕ РАЗБОРЫ

ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1

С. Н. Черепанова²
ORCID: 0000-0002-9846-4000
университета им. свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
Nám. J. Herdu 2, 917 00, Trnava, Slovak Republic
Svetlanancherepanova@gmail.com

ДЕЛУ ВРЕМЯ – ПОТЕХЕ ЧАС: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ А. П. ЧЕХОВЫМ УСАДЕБНОГО ДОСУГА

В статье внимание автора сосредоточено на анализе усадебного времяпрепровождения в ранних произведениях А. П. Чехова («Цветы запоздалые», «Добродетельный кабатчик», «Безнадежный»). Усадебный досуг в предшествующей Чехову литературе представлял собой философские беседы, увлечение музыкой и чтением, различного рода развлечения. Времяпрепровождение определялось личностью владельца усадьбы. Чехов, опираясь на традиции изображения усадебного досуга предшествующей литературы, пародийно переосмысляет их. Сцена чаепития в «Цветках запоздалых» лишена философских размышлений и идеологических споров. Более того, такого рода беседы здесь невозможны, следовательно, невозможно и сближение главных героев. Комический эффект создается при помощи семантического сдвига. В «Добродетельном кабатчике» читатель сталкивается с подменой роли слуги и помещика. Чехов пародийно обыгрывает стереотип о «всепрощающем народе». В рассказе «Безнадежный» представлено несколько вариантов времяпрепровождения барина. Если в предшествующей литературе любование природой, игра в шашки или в винт, обращение к альбому – это способ вести диалог, размышлять, обращаться к прошлому, то для чеховского героя – это всего лишь способ скоротать время. На основе анализа вышеуказанных произведений автор приходит

---

² Черепанова Светлана Николаевна, аспирант, университета свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве, философский факультет, кафедра русистики, г. Трнава, Словацкая Республика.

к выводу о том, что Чехов, разрушая ставшее стереотипным усадебное времяпрепровождение дворян, показывает утрату усадебной культуры.

Ключевые слова: А. П. Чехов, пародия, усадьба, усадебное времяпрепровождение, «Цветы запоздалые», «Добродетельный кабатчик», «Безнадежный»

Введение. Исследователи усадебной культуры отмечают в качестве характерной особенности мира усадьбы умеренную, замкнутую жизнь, которая определяется «предпочтениями их владельцев» [5]. Безусловно, личность владельца усадьбы влияла на выбор досуга: охота, рыбалка, карточные вечера, балы, катания на лодках, театральные вечера, занятия наукой, сельскохозяйственные увлечения и т. д. В. Г. Щукин, рассуждая об особенностях времяпрепровождения в усадьбе, отмечает цикличность усадебных процессов, их поступательность и неотвратимость. По мнению литературоведа, усадебному миру присущ элемент игры, театральности: «Каждый вступающий в мир усадьбы, <...> должен быть готов к переменам и перевоплощениям, должен играть ту роль, которая предназначена ему декорациями усадьбы, зовущими к любованию природой и искусством» [15, 229–230]. Театральность усадебной жизни связана с эмоциональной составляющей: эмоциональная значимость усадебного ландшафта усиливается напряженной работой человеческой души, внутреннего, духовного мира обитателей усадеб.

В данной работе мы сосредоточим внимание на анализе усадебного времяпрепровождения в чеховских рассказах («Цветы запоздалые», «Добродетельный кабатчик», «Безнадежный»), сопоставив с усадебным досугом предшествующей литературы. В дочеховской литературе времяпрепровождение в усадебном пространстве предполагало философские разговоры, беседы о жизни, различного рода откровения.

Основная часть. Обратимся к усадебному времяпрепровождению в повести «Цветы запоздалые» (1882), а точнее, рассмотрим сцену беседы. Традиционно беседы в дворянском доме имеют не только светский характер. За столом также поднимаются вопросы идеологического характера. Таковы сцены из «Рудина», «Отцов и детей», «Накануне», «Дворянского гнезда». Например, за чаепитием в «Рудине» происходит словесный поединок между Пигасовым и Рудиным, в «Отцах и детях» такой идеологический спор возникает между Базаровым и Павлом Петровичем. Также для тургеневских героев характерны разговоры на отвлеченные темы:

о природе, музыке, о её роли в жизни человека. Занятие музыкой или слушание музыки усиливает остроту чувств у героев дочеховской литературы, помогает выразить внутреннее состояние. Такова, например, сцена объяснения в любви в «Обломове» И. А. Гончарова. В пении Ольги отразилась вся страсть жизни: «Боже мой, что слышалось в этом пении! Надежды, неясная боязнь гроз, самые грозы, порывы счастья – все звучало, не в песне, а в ее голосе. <...> Щеки и уши рдели у неё от волнения; иногда на свежем лице ее вдруг сверкала игра сердечных молний, вспыхивал луч такой зрелой страсти, как будто она сердцем переживала далекую будущую пору жизни, и вдруг, опять потухал этот мгновенный луч, опять голос звучал свежо и серебристо» [2, 208]. Музыка проявила искренние чувства: «Ольга поняла, что у него слово вырвалось, что он не властен в нем и что оно – истина» [2, 209].

В повести Чехова нет места беседам, которые бы наводили на размышления, касались бы высоких нравственных материй. Рассмотрим сцену домашнего чаепития, в частности сцену игры на фортепиано. Чеховское чаепитие проходит безмолвно: «наступило молчание – жуткое, противное, во время которого почему-то чувствуется ужасно неловкое положение и желание сконфузиться. <...> Тишина воцарилась гробовая, изредка нарушаемая глотательными звуками. Топорков глотал очень громко. Он, видимо, не стеснялся и пил, как хотел. Глотая, он издавал звуки, очень похожие на звук “глы”. Глоток, казалось, изо рта падал в какую-то пропасть и там шлепался обо что-то большое, гладкое. Тихину нарушал изредка и Никифор; он то и дело чамкал губами и жевал, точно на вкус пробовал доктора-гостя» [15, 405]. Такое грубое поведение, не отличающееся изысканными манерами, кажется совершенно неуместным при светской беседе. Примечательно, что только слуга (именно старый слуга Никифор еще пытается сохранить дворянский уклад жизни в семье Приклонских) и доктор Топорков (тот, кто приходит на смену дворянину³) позволяют себе «громкие звуки» за столом.

Как бы герои ни хотели поддержать разговор, беседы не получалось. Не спасает положение и игра на рояле. У Тургенева музыка располагает к душевному разговору, к сближению героев, раскрывает их внутренние переживания: «Давно Лаврецкий не слышал ничего подобного: сладкая, страстная мелодия с первого звука охватывала сердце; она вся сияла, вся томилась вдохновением,

---

³ Подробнее о переосмыслении тургеневской традиции Чеховым см. в статье С. Н. Черепановой [12].

счастьем, красотой, она росла и таяла; она касалась всего, что есть на земле дорогого, тайного, святого; она дышала бессмертной грустью и уходила умирать в небеса. Лаврецкий выпрямился и стоял, похолоделый и бледный от восторга. Эти звуки так и впивались в его душу, только что потрясенную счастьем любви; они сами пылали любовью» [7, 106], – музыка в данном эпизоде передает душевное состояние Лаврецкого после любовного объяснения с Лизой. В «Рудине» музыка и природа располагают к воспоминаниям, душевной беседе и сближению героев: «Эта музыка и эта ночь, – заговорил он, – напомнили мне мое студенческое время в Германии: наши сходки, наши серенады...» [11, 229]. Музыка помогает Наталье Ласунской и Берсеневу погрузиться в свои размышления: «Сидя, полуодетая, перед своим маленьким фортепьяно, она то брала аккорды, едва слышные, чтобы не разбудить m-lle Vonscourt, то прикинула лбом к холодным клавишам и долго оставалась неподвижной. Она всё думала – не о самом Рудине, но о каком-нибудь слове, им сказанном, и погружалась вся в свою думу» [11, 262]; «Как все русские дворяне, он в молодости учился музыке и, как почти все русские дворяне, играл очень плохо; но он страстно любил музыку. Собственно говоря, он любил в ней не искусство, не формы, в которых она выражается (симфонии и сонаты, даже оперы наводили на него уныние), а ее стихию: любил те смутные и сладкие, беспредметные и всеобъемлющие ощущения, которые возбуждаются в душе сочетанием и переливами звуков. Более часа не отходил он от фортепьяно, много раз повторяя одни и те же аккорды, неловко отыскивая новые, останавливаясь и замирая на уменьшенных септимах. Сердце в нем ныло, и глаза не однажды наполнялись слезами» [7, 181].

Чехов в «Цветах запоздалых» комически обыгрывает сцену чаепития и игры на рояле, используя семантический сдвиг. Пока Топорков пьет чай, Маруся, желая отблагодарить доктора за ученую лекцию, садится играть Шопена. В момент проигрышания «лучшего места в вальсе», героиня обращается к Топоркову: «Я влюблена в это место». Далее следует ответ: «Благодарю. Больше не хочу» [15, 407]. Эту фразу одинаково можно отнести как к Марусиной игре на рояле, так и к чаю. Топорков оказывается глух к восприятию игры девушки, сама же героиня играет для того, чтобы проверить, какое впечатление она произвела на Топоркова. В повести Чехова, в отличие от тургеневских произведений, философские разговоры за столом оказываются невозможными.

Необходимо отметить, что в отношениях слуги Никифора и его господ существует перевертыш: слуга пытается сохранить дворянский уклад жизни в отличие от представителей дворянства. Князь Егорушка пропивает свое наследие, приводит в дом содержанку; княгиня Приклонская живет в долг, теперь ее положение зависит от бывших крепостных; княжна Маруся пытается жить по прежнему укладу, но в изменяющемся мире это оказывается невозможным.

Такой же перевертыш наблюдается и в чеховском рассказе «Добродетельный кабатчик» (1883). Примечателен подзаголовок «плач оскудевшего». Как мы узнаем из примечаний к рассказу, слово «оскудевший» отсылает читателя к очеркам Сергея Атавы (Терпигорева) «Оскудение». В очерках автор поднимает тему оскудения дворянской культуры, именно крепостное право, по мысли автора, приводит к растлению не только дворянского сословия, но и крестьянского. Под оскудением понимается как материальное разорение, так и морально-нравственная, культурная деградация дворянского класса, его вырождение. Плач – традиционно жанр народно-бытовой поэзии, связанный с трагическим событием, с потерей кого-либо или чего-либо. Жанровое название в подзаголовке произведения наталкивает нас на мысль о совокупном, собирательном образе оскудевшего дворянина, что уже на уровне подзаголовка вносит комический эффект. Итак, в чеховском произведении «плач оскудевшего» – это плач помещиков (поскольку образ собирательный) в пореформенное время о былом родовом поместье.

Барин, от лица которого ведется повествование, вспоминает былые изобильные времена до отмены крепостного права. Примечательно, что в сферу ценностей барина входит лишь материальное благополучие и развлечения: «Можно было и в первом ряду посидеть, и в картишки поиграть, и содержаночкой похвастать» [14, 193]. Все меняется после отмены крепостного права: «На душе кошки скребли, реветь хотелось» [14, 193]. На помощь барину приходит Ефим Цуциков, кабатчик, бывший крепостной. В этот момент герои меняются местами. Помещик оказывается не в состоянии управлять своим имением, выполнять свои прямые обязанности. Бывший крепостной, наоборот, проявляет деловую хватку, на свои сбережения поправляет усадьбу. Смешным оказывается то, что Ефим, по сути, делает то же самое, что и во времена, когда был крепостным: угощает барина водкой, занимается благоустройством хозяйства, дает в займы: «Я дам... Всё одно, отдадите. Не в первый раз берете-то...» [14, 193]. Барин в этом видит благородство и великодушие мужика. Здесь мы замечаем, как сквозь восприятие

«оскудевшего» пародийно обыгрывается стереотип о «всепрощающем народе». Но и здесь читатель сталкивается с разоблачением стереотипа: бывший крепостной ведет себя с бариним точно так же, как и при крепостном праве, но при этом оказывается прекрасным дельцом, со сноровкой и хитростью, поэтому смог стать кабатчиком, а позже и хозяином родовой усадьбы. Объединяют помещика и слугу материальные ценности, только воспринимаются они по-разному.

В рассказе повторяется фраза «сижу теперь, тоскую и мудрствую», она закольцовывает произведение. Однако это предложение претерпевает небольшое, но, на наш взгляд, существенное изменение: единственное отличие начальной и финальной фразы состоит в том, что в итоговом предложении опускается глагол «тоскую». Напомним, что в состоянии тоски началось у барина тогда, когда в усадьбе не осталось былого благополучия (после отмены крепостного права). А после помощи бывшего крепостного, все, что осталось помещику – «мудрствовать», потому что тосковать уже не по чему, родовое поместье упущено.

В рассказе «Безнадежный» (1885) Чехов показывает ещё несколько вариантов времяпрепровождения барина, уже устоявшихся в литературе: любование природой, игра (в шашки, в винт и т. п.), обращение к альбому как к воспоминаниям, чтение.

Вспомним распорядок дня, которого придерживалась у себя в доме Одинцова: «Всё в течение дня совершалось в известную пору. Утром, ровно в восемь часов, всё общество собиралось к чаю; от чая до завтрака всякий делал что хотел, сама хозяйка занималась с приказчиком (имение было на оброке), с дворецким, с главною ключницей. Перед обедом общество опять сходилось для беседы или для чтения; вечер посвящался прогулке, картам, музыке; в половине одиннадцатого Анна Сергеевна уходила к себе в комнату, отдавала приказания на следующий день и ложилась спать» [10, 85].

Все эти виды деятельности для литературных героев дочеховской литературы не просто развлечение, но и способ вести диалог, размышлять, решать исключительно важные вопросы, получать откровения. Даже простое смотрение в окно, например, для тургеневских героев, – это время рефлексии: «Между тем Елена вернулась в свою комнату, села перед открытым окном и оперлась головой на руки. Проводить каждый вечер около четверти часа у окна своей комнаты вошло у ней в привычку. Она беседовала сама с собою в это время, отдавала себе отчет в протекшем дне» [8, 182] или «Он (Нежданов – С. Ч.) продолжал стоять перед окном – и думал, грустно и тяжело думал о предстоявшей ему поездке, об этом новом,

С. Н. Черепанова

неожиданном повороте его судьбы...» [9, 156]. Для чеховского героя такой вид деятельности – всего лишь попытка скоротать время, мечтая оказаться там, где веселье: «Стоял он (Шмахин – С. Ч.) перед окном, глядел на постыльную картину и вспоминал, что под вечер у неперменного члена Ряблова составляется винт, что у Марьи Николаевны в этот день празднуется рождение ее Петечки...». Ни о какой рефлексии, конечно же, здесь речь не идет, такие действия вызваны безысходностью, поскольку Шмахин не может выехать из усадьбы, в которой он «чувствовал себя, как в тюрьме» [13, 219].

От скуки председатель земской управы берет в руки альбом, который пробуждает воспоминания, и, казалось бы, читателя ждет повествование о жене, на карточке которой остановился взор Шмахина, но следующая реплика «тьфу!» не оправдывает читательских ожиданий и тем самым снижает пафос воспоминаний. Несовпадение ожидаемого и происходящего порождает смех. Первое «тьфу!» Шмахина произносит при мысли о том, что «у Ряблова сели уже без него винтить и что у Марьи Николаевны уже сидят за чаем и толкуют про холеру и Герат» [13, 220]. Очевидно, что, разглядывая фотографию жены, Шмахина посещает эта же мысль, но никак не воспоминания о жене.

Игра в шашки – ещё один способ «убить время» для Шмахина. Примечательно, что главный герой не может сосредоточиться на игре, поскольку думает о том, что его соперник ему не ровня.

Для дворянина XIX века чтение составляло неотъемлемую часть жизни, что, безусловно, нашло отражение в русской классической литературе. Книжные пристрастия литературного героя зависели от его предпочтений, характера и способа жизни. Рассмотрим мотив чтения, ставший общим для русской литературы, в нескольких произведениях. Так, пушкинский Евгений Онегин поверхностно был знаком с различными трудами: «Бранил Гомера, Феокрита; / Зато читал Адама Смита» [6, 8], – сфера интересов формировалась вокруг современной ему экономической системы. Однако круг чтения изменился после дуэли с Ленским и объяснением с Татьяной. Внимание Онегина привлекли философские труды французских просветителей:

Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочел скептического Беля,
Прочел творенья Фонтенеля,
Прочел из наших кой-кого,
Не отвергая ничего <...> [6, 182–183].

Однако стоит отметить, что чтение Онегина было хаотичным, поверхностным, поскольку мысли его были заняты Татьяной.

Примечательно, что герои романа «Отцы и дети» так или иначе обращаются к поэзии Пушкина: для Николая Петровича такое обращение – способ выразить свои ощущения, свои эмоции, это способ разговора с миром, для Базарова обращение к творчеству Пушкина – протест и отрицание, для Николая Петровича – повод поддержать брата и вступить в словесную схватку с Базаровым. Герои романа много читают, обсуждают, спорят. Чтение в «Отцах и детях» – один из важнейших мотивов романа.

Показателен процесс чтения гончаровского Обломова, поскольку через это действие раскрывается характер Ильи Ильича: «Услышит о каком-нибудь замечательном произведении – у него явится позыв познакомиться с ним; он ищет, просит книги, и если принесут скоро, он примется за нее, у него начнет формироваться идея о предмете; еще шаг – и он овладел бы им, а посмотришь, он уже лежит, глядя апатически в потолок, и книга лежит подле него недочитанная, непонятая» [2, 63].

Итак, процесс чтения, выбор книг, безусловно, влияет на мировоззрение героев, их поступки и действия. В чеховском рассказе Шмахов обращается к чтению исключительно с целью скоротать время, вместо библиотеки читатель видит «этажерку, заваленную книжным хламом» [13, 222], на которой «были всевозможные указатели, путеводители, растрепанный, но не обрезанный еще журнал “Садоводство”, поваренная книга, проповеди, старые журналы...» [13, 222]. Среди этого чтива герой находит выпуск «Современника» с тургеневским «Дворянским гнездом». Кажется, что вот сейчас Шмахова может увлечь популярный роман своего времени: «И его тоскующая душа нашла успокоение в великом писателе» [13, 222], однако, читатель вновь сталкивается с обманутым ожиданием – Шмахов уснул. Вышеприведенная цитата приобретает совершенно иной, комический смысл: книга помогла уснуть, а значит, преодолеть скуку, навалившуюся на барина при мысли о том, что он не может быть там, где веселье.

Интересным представляется название рассказа, поскольку само слово «безнадежный» имеет несколько значений. В этом смысле безнадежным может оказаться положение председателя земской управы Шмахова (безнадежный, потому что оказался в безнадежном положении). «Большой толковый словарь русского языка» фиксирует разговорный вариант употребления этого слова: «Такой, который не сможет исправиться; неисправимый (о человеке)» [1, 67],

т. е. безнадежным оказывается сам Шахов с его желанием веселиться, находиться в кругу «равных себе», но вынужденным оставаться в усадьбе и заниматься «барскими делами» со скуки.

Заключение. Итак, рассмотрев на основе нескольких произведений времяпрепровождение героев дворянского сословия, мы можем сказать, что, во-первых, Чехов меняет местами слуг и господ, показывая несостоятельность последних, во-вторых, веселье, пьянство, забота о материальном благополучии имеет приоритетное положение для дворян, что влечет за собой утрату усадебной культуры, нравственных ориентиров и возникновение нового пространства – усадьбы становятся дачами.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка (гл. ред. С. А. Кузнецов) Санкт-Петербург: НОРИНТ, 2000. С. 67.
2. Гончаров И. А. Обломов // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1953. С. 5–507.
3. Купцова О. Н., Дмитриева Е. Е. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. 2-ое изд. Москва: ОГИ, 2008. 528 с.
4. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 1994. 399 с.
5. Марасинова Е., Каждан Т. П. Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. Москва, 1998. [Электронный ресурс]: URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_0_04.htm (дата обращения: 17.04.2023)
6. Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 16 т. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937 – 1959. Т. 6. Евгений Онегин. С. 1–205.
7. Тургенев И. С. Дворянское гнездо // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука. Т. 6. 1981. С. 370–428.
8. Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука. Т. 6. 1981. С. 159–301.
9. Тургенев И. С. Новь // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука. Т. 9. 1982. С. 133–390.
10. Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука. Т. 7. 1981. С. 5–191.
11. Тургенев И. С. Рудин // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука. Т. 5. 1980. С. 197–325.

12. Черепанова С. Н. Тургеневская традиция в ранней прозе А. П. Чехова (на примере повести «Цветы запоздалые, 1882») // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 116–128.
13. Чехов А. П. Безнадежный // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 3. Москва: Наука, 1975. С. 219–222.
14. Чехов А. П. Добродетельный кабатчик: (Плач оскудевшего) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 2. Москва: Наука, 1974. С. 193–194.
15. Чехов А. П. Цветы запоздалые // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 1. Москва: Наука, 1974. С. 392–431.
16. Щукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. Москва: РОССПЭН, 2007. С. 157–458.

REFERENCES

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka (gl. red. S. A. Kuznecov). St. Petersburg: NORINT, 2000. Pp. 67. (In Russ.)
2. Goncharov I. A. Oblomov // Goncharov I. A. Sbranie sochinenij: v 8 t. [Collected Works in 8 Volumes]. Moscow: Gos. izd-vo hudozh. lit., Vol. 4. 1953. Pp. 5–507. (In Russ.)
3. Kupcova O. N., Dmitrieva E. E. Zhizn' usadbnogo mifa: Utrachennyj i obretennyj raj [The Life of the Manor Myth: Lost and Found Paradise]. 2-oe izd. Moscow: OGI, 2008. 528 p. (In Russ.)
4. Lotman Ju. M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX veka). [Conversations on Russian Culture. Russian Noble Traditions and Lifestyle in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries] St. Petersburg: Iskusstvo – SPB, 1994. 399 p. (In Russ.)
5. Marasinova E., Kazhdan T. P. Kul'tura russkoj usad'by // Oчерки russkoj kul'tury XIX veka [Essays on Russian culture of the 19th century]. Moscow, 1998. [Elektronnyj resurs]: URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_0_04.htm (data obrashhenija: 17.04.2023) (In Russ.)
6. Pushkin A. S. Evgenij Onegin: Roman v stihah // Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij v 16 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow, Leningrad: Izd vo AN SSSR, 1937 – 1959. Vol. 6. Evgenij Onegin. Pp. 1-205. (In Russ.)
7. Turgenev I. S. Dvorjanskoe gnezdo // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka. Vol. 6. 1981. Pp. 370–428. (In Russ.)

8. Turgenev I. S. Nakanune // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka. Vol. 6. 1981. Pp. 159–301. (In Russ.)
9. Turgenev I. S. Nov' // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka. Vol. 9. 1982. Pp. 133–390. (In Russ.)
10. Turgenev I. S. Otcy i deti // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka. Vol. 7. 1981. Pp. 5–191. (In Russ.)
11. Turgenev I. S. Rudin // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka. Vol. 5. 1980. Pp. 197–325. (In Russ.)
12. Cherepanova S. N. Turgenev's tradition in the early prose of A. P. Chekhov (a case study of the story «Late-Blooming Flowers» 1882) // *Siberian Journal of Philology*. 2023. № 1. Pp. 116–128. (In Russ.)
13. Chehov A. P. Beznadezhnyj // Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka, Vol. 3. 1975. Pp. 219–222. (In Russ.)
14. Chehov A. P. Dobrodetel'nyj kabatchik: (Plach oskudevshego) // Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka, Vol. 2. 1974. Pp. 193–194. (In Russ.)
15. Chehov A. P. Cvety zapozdalye // Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]. Moscow: Nauka, Vol. 1. 1974. Pp. 392–431. (In Russ.)
16. Shhukin V. G. Mif dvorjanskogo gnezda. Geokul'turologicheskoe issledovanie po russkoj klassicheskoj literature // *Genij prosveshhenija. Issledovanija v oblasti mifopojetiki i istorii idej* [Russian Genius of the Enlightenment. Studies in the Field of Mythopoeitics and History of Ideas]. Moscow: ROSSPJeN, 2007. Pp. 157–458. (In Russ.)

BUSINESS FIRST, PLEASURE AFTERWARDS:

A. P. CHEKHOV'S REINTERPRETATION OF MANOR LEISURE

Svetlana N. Cherepanova

Postgraduate student, Faculty of Philosophy, Department of Russian Studies, University of Ss. Cyril and Methodius
(Trnava, Slovak Republic)

Abstract

In the article, the author's attention is focused on the analysis of manor pastime in early works of A. P. Chekhov («Late-Blooming Flowers», «The Virtuous Innkeeper», «Hopeless»). Manor leisure in the literature preceding Chekhov consisted of philosophical

conversations, an interest in music, reading, and variety of other entertainments. Pastime was determined by the personality of the estate owner. Chekhov rethinks parodically the traditions of depicting the manor leisure in previous literature. The teatime scene in «Late-Blooming Flowers» is devoid of philosophical reflections and ideological disputes. Moreover, such conversations are impossible here, therefore the rapprochement of the main characters is also impossible. The comic effect is created with the help of semantic shift. In «The Virtuous Innkeeper» a reader comes across the substitution of a servant and a landowner role. Chekhov plays parodically the stereotype of «forgiving people». The story «Hopeless» presents several kinds of the master's pastime. If in the previous literature admiring nature, playing checkers or a screw, referring to an album is a way to a dialogue, reflection, referring to the past, then for Chekhov's hero it is just a way to pass the time. Based on the analysis of the above-mentioned works, the author concludes that Chekhov shows the loss of manor culture, destroying the stereotyped manor pastime of the nobles.

Keywords: A. P. Chekhov, parody, manor, manor pastime, «Late-Blooming Flowers», «The Virtuous Innkeeper», «Hopeless»

Для цитирования: Черепанова С. Н. Делу время – потехе час: переосмысление А. П. Чеховым усадебного досуга // Libri Magistri. 2023. № 4 (26). С. 24–35.

Поступила в редакцию 14.06.2023